

ми, осуществившей гармоническое средостение *тэхнэ* (лат. *ars*) и науки, наглядно и вслух прибавив к *тэхнэ* как ремеслу *тэхнэ* как искусство. Но и с наукой алхимик тоже поступил алхимическим — артистическим — образом, заземлив высокую научную идеализацию при помощи магико-ремесленного опыта.

Верно, различение опыта технического и опыта научного всегда условно. В действительности практик и теоретик взаимопереходящи. Однако различить следует. Верно также, что техника в смысле греческого *тэхнэ* включает в себя также и искусство. Вот почему прав *Парацельс*, сравнивая *искусство алхимика с искусством булочника, равно придающих один металлу, другой муке совершенство формы*. Между тем очевидность такова, что булочник — еще ремесленник, алхимик — уже художник.

То, что может быть принято за прообраз новой науки, зреющей в глубинах средневековья, то есть за научный анализ и научный синтез, есть средневековый феномен *resolutio* и *compositio*, хорошо исследованный Кромби (*Crombie*, 1952; 1959). Но от науки было еще далеко, ибо «*резолюция*» и «*композиция*» были скорее средствами объяснения и приложения заранее известной боговдохновенной истины, нежели эвристическим средством для разыскания истины. Это была наука по поводу слова, единственного средства для схоластического «экспериментирования»: «*делайте то, что я говорю, но не делайте того, что я делаю*» (Зубов, 1969, с. 10). Алхимик же не только элоквирировал по поводу вещи; но и манипулировал с ней. Поэтому восходить от *действий* к *причинам*, для того чтобы затем вновь снизойти от причин к действиям, для науки XV—XVI столетий было банальностью, хотя и неосуществимой (там же). Для алхимии это было действительностью, с той только поправкой, что эти две отдельные стадии пребывали всегда в удивительном смешении, в нелогичной одновременности: артист, занимающийся наукой; ученый, исполненный богемной неряшливости. В этом — обоснование бесконечного алхимического символотворчества, согласующегося с ренессансным разнообразием вещей. *Резолютивный метод* в виду фантазмагорической мозаики вещей-веществ на время забывался, хотя тут же — в формах почти химического анализа — осуществлялся в той же алхимии: в ином, эвристическом, а не схоластическом, качестве. И снова неупорядоченное мелькание вещей-веществ, когда жадный до всех вместе и каждого вещества в отдельности взор алхимика не успевал все это назвать, классифицировать, описать. Лишь бы только не упустить, заметить, засечь.

Между тем *тэхнэ*-ремесло неукоснительно оставалось в заколдованном кругу эмпирических рецептов, исподволь теоретизируясь и эстетизируясь (не без влияния алхимии). Выключенные из сферы космических построений («*действие — причина — действие*»), «*Пиротехния*» зоркого *Бирингуччо* и «*О горном деле...*» прощипательного умельца *Агриколы* так и остались бездоказательными, хотя исключительно ценными руководствами XV—XVI веков, снабжающими полезными вещами не только общество, но и тех же алхимиков. Антиалхимический негативизм был сильным и ярким. Алхимическая *триада* (*ртуть, сера и соль*) трепетали под натис-